

З

ВУЧИТ музыка, трагическая в своей сумрачной торжественности. В ней предчувствие судьбы мятежного плебей Жюльена Сореля, героя пятисерийного телевизионного фильма «Красное и черное», поставленного С. Герасимовым по роману Стендаля.

«Хроника XIX века» — подзаголовок романа. В фильме С. Герасимова есть подлинная Франция двадцатых годов прошлого столетия. Она и в прекрасных гравюрах, представляющих каждую серию фильма: пейзажи, городские виды, человеческие типы, запечатленные с редким мастерством выразительности; в изысканных интерьерах и костюмах, талантливо исполненных художником П. Пашкевичем. При всем том авторы картины избежали опасности сделать «костюмный» фильм; можно сказать словами Стендаля, отмечающего важное преимущество Жюльена Сореля: «Раз одевшись, он уже переставал думать о своем костюме». Зрительный ряд не подавляет содержанием, напротив, помогает реально ощутить достоверность послереволюционного времени во Франции, проследяваемую через образ юности, мечтающего о головокружительной карьере, богатстве, власти над людьми, славе, не меньшей, чем у властителя его дум — Наполеона.

Вслед за Стендалем авторы фильма проводят своего героя через три ступени: удивительное в своем духовном убожестве провинциальное, с претензией на высший свет, общество; мрачная келья семинариста; блестящий парижский салон. На каждой ступеньке своего вос-

хождения Жюльен Сорель встречает разных людей — перед нами на экране вереница типов стэндалевского романа. Тупой, невежественный господин де Реналь (Л. Марков), чванливый дворянин, которому в голову не приходит, что у него могут быть причины для недовольства своей особой.

Аббат Шелан (неожиданно и великолепно играет его В. Дворжеский), аббат Пирар (М. Глузский) — верные сыны яansenистской церкви, сохранившие подлинную святость и суровую, граничащую с фанатиз-

моместные дворянчики, единственная забота которых в том, чтобы как-нибудь в чем-нибудь обставить соседа, а любимице развлечение — в писании анонимных писем своим лучшим друзьям. Жюльен Сорель для них не более чем послеобеденное развлечение, подумайте только — наизусть знает библию! Однако развлечение, представляющее для господина де Реналья определенную ценность: не дай бог, переманят соседи. Любящая мадам де Реналь для Жюльена единственная отрада в огромном доме

ныне барельефы, полные страсти и мысли, — камень оказывается ЖИВЕЕ живых людей; Сорель, забившийся в угол своей кельи, сильно напоминающей тюремную камеру, затравленный «одноклассниками», которые ненавидят его за ум и образованность.

Третья ступень — высший парижский свет в образе роскошной гостиной дома маркиза де Ла Моля, где каждое живое слово воспринимается как вопиющая непристойность, где звон хрустала более осмыслен, чем разговоры представителей

Но, полюбив, герой отказывается от расчетливых замыслов, становится самим собой, к нему приходит понимание того, что высшее счастье отнюдь не в богатстве, славе, власти.

Госпожа де Реналь (Н. Бондарчук) своим письмом к маркизу де Ла Молю разрушает веру в самое святое, предает самое дорогое его воспоминание. И тогда на экране появляется другой Сорель — герой Н. Еременко становится яростным, безумным. Два выстрела, гулко отдающиеся под сводами церкви, удивленные, страдающие глаза мадам де Реналь.

Сцены в тюрьме — лучшие в фильме. За то, как Н. Бондарчук и Н. Еременко проводят заключительные сцены романа, им можно простить в некоторую иллюстративность в обрисовке образов героев. Безумство Сореля сменилось мудростью, выдуманные кумиры свергнуты, чужие мысли, книжные истины потеряли цену. Перед нами — взрослый человек, познавший жизнь и вынужденный с ней расстаться на двадцать четвертом году жизни.

Тюремный двор, последний взгляд в оконный проем — прощание с миром, глухой стук гильотины.

Пять вечеров, проведенных у экранов телевизоров, пять вечеров один на один с гениальным произведением французской литературы, с его героями и непосредственно с самим Стендалем. Закадровый авторский голос (А. Карапетян) дает нам возможность непосредственного общения с живым словом Стендаля. Рассказчик — наш незримый проводник и в то же время полноправный герой фильма.

Экранизация классических произведений литературы — явление, ставшее уже обычным, — не только позволяет увидеть образы давно знакомые, вслед за героями пережить бури страстей человеческих, но и побуждает зрителя вновь обратиться к нетленным страницам классики, чтоб постичь величие слова.

Марина КУЗНЕЦОВА

В С Л Е Д   З А   С Т Е Н Д А Л Е М

Госпожа де Реналь — Н. БОНДАРЧУК. Жюльен Сорель — Н. ЕРЕМЕНКО.

мера, где навеки поселились скука и чванство.

Столь же безотраднa и семинария, в которой царит невежество, а ученость почитается за тяжкий грех. На экране медленно бредущая по внешней галерее бесформенная фигура с шаркающей походкой, с визгливо звенящим колокольчиком в руках; семинаристы — все одинаковые, даже Сорель теряется среди этой безликой массы, — механически разучивающие (в который раз!) латинский псалом, а рядом камен-

лучших французских фамилий. Жюльен Сорель, по словам Стендаля, хочет научиться измерять людям ровно столько своей души, сколько они заслуживают, хочет превратить любящих его женщин в орудие своего честолюбия. Стендаль, а за ним и авторы фильма испытывают героя любовью. Трогательная любовь госпожи де Реналь и пылкая, книжная страсть аристократки Матильды де Ла Моля. Добиться их любви — сначала только акт самоутверждения для Сореля.